

Мои предки — петербургские биржевые артельщики

Т. Н. Денисова

Слова «артель» и «биржа» в семье нашей звучали часто, мне доводилось их слышать с детских лет. В артели состоял мой прадед Осминин Иоаким Григорьевич. Из рассказов отца я знала, что этот прадед в конце XIX века переехал с семьей из Петербурга в Нижний Новгород, жил в Канавине, где проходила ежегодная Нижегородская ярмарка, и заведовал там железным складом. Другой прадед, Яков Иванович Денисов, служил в Петербурге на фондовой бирже инкассатором. Его место работы у меня всегда ассоциировалось с красивым классическим зданием на стрелке Васильевского острова. После смерти Якова Ивановича в 1906 году место его работы, по семейному преданию, перешло к его сыну, Александру Яковлевичу Денисову, моему деду. Итак, слова «артель» и «биржа» в доме у нас упоминались, но никак не сочетались.

В начале нынешнего XXI века мой отец, Николай Александрович Денисов, проходя как-то со мной по Невскому проспекту в районе Малой Морской улицы, обронил:

— Куда-то сюда с Васильевского острова на работу ходил мой папа.

— Но ты рассказывал, что он работал на фондовой бирже, — удивилась я.

— Так говорили дома. А руководителями его были немцы.

Спустя несколько лет я получила в подарок книгу о Невском проспекте. Обнаружив в ней фото дома № 23, сделанное в 1910 году, обратила внимание на рекламную вывеску, вытянутую над четвертым этажом, — «СПб Биржевая Коммерческая артель 1727 г.»¹. Меня заинтересовало словосочетание «биржевая артель», которое вызвало сомнение, могли ли мои предки крестьяне иметь отношение к фондовой бирже. Может быть, отец мой спутал фондовую биржу и биржевую артель? Решила поинте-

Член Петербургской биржевой коммерческой артели Яков Иванович Денисов. 1891 г.

ресоваться артелями в Российской национальной библиотеке.

Артели возникли в Петербурге еще во времена Петра I в связи с появлением порта. В порт прибывал товар, за которым требовался присмотр. Его нужно было взвешивать, перемешать, складировать, хранить. В этом хозяину товара помогали артели, в которые объединялись преимущественно крестьяне, выходцы из Владимирской, Ярославской, Вологодской, Архангельской и других губерний. Поначалу артели состояли из людей, не обладавших каким-либо капиталом. Поэтому их члены занимались в основном физическим трудом при порте. Со временем погрузку и выгрузку товара стали осуществлять поденщики, которых артель нанимала на работу, а сами артельщики только наблюдали за работой и следили, чтобы товар был цел, не поврежден и вовремя доставлен на место. Своё название «биржевые» артели получили в конце XVIII века.

Так как порт и таможня находились на Васильевском острове, то изначально большая часть артельщиков

здесь же и селилась. Мой прадед Яков Иванович Денисов с семьей тоже жил на острове на 7-й линии в домах № 42 и 46, а сын его, Александр Яковлевич, снимал квартиру в доме № 56 на той же 7-й линии.

К 70-м годам XIX века в артелях появилось много достаточно грамотных артельщиков, которых стали приглашать в частные и государственные предприятия на должности казначеев, кассиров, бухгалтеров, конторщиков, приказчиков, кладовщиков, управляющих всевозможными торгово-промышленными предприятиями, домами, складами, причем не только в Петербурге, но и в других городах России.

В 1873 году в Петербурге существовало 24 артели, в которых состояло 2622 человека. Самая крупная из них, Баронская (Штиглица), насчитывала 261 члена, самая маленькая, Николаевская, — 46 человек. Принимали в артель с 14 лет. Каждый вступающий должен был быть известен нескольким артельщикам, слыть честным, благонадежным человеком и внести вкупную сумму или просто вкуп. В разных артелях в разные годы суммы вкупа были разные. Так, в Кокориной артели до 1851 года вкупная сумма была 800 рублей, в Пинежской в 1870 году — 1600 рублей. При этом вкупная сумма могла выплачиваться в рассрочку². Кроме вкупа при вступлении артельщик вносил еще деньги в запасный капитал, который шел на покрытие убытков артели. Ведь за работу своих членов артель несла финансовую ответственность. При выходе из артели выбывающий получал некоторую сумму, но меньше вкупной. К началу XX века количество артелей сократилось до 13. Какие-то из них слились, какие-то ликвидировались.

Изучив литературу по биржевым артелям, составила для себя список существовавших в 70-е годы XIX века артелей с датами их

возникновения. Никакой Коммерческой артели среди прочих не наша. Вернулась к книге о Невском проспекте и к рекламе на доме № 23. Вооружившись лупой, обратила внимание на год 1727. Какая из петербургских артелей возникла в этом году? Оказалось, Вульфова. Возможно, ее потом переименовали в Коммерческую? Но имеет ли все это к моим предкам какое-либо отношение? Ведь пока привязка была только одна – Невский проспект. Вульффы – немцы? Да за полтора века в артели от них могло ничего не остаться.

Решила заняться артелями в Центральном государственном историческом архиве Петербурга. К сожалению, в сохранившихся личных делах артельщиков Коммерческой биржевой артели не удалось найти ни личного дела прадеда моего, ни деда. Заказала дела нескольких других артелей со списками артельщиков. Но и там наша фамилия не отражена. Так может, к биржевым артелям мои предки вообще никакого отношения не имели?

Но темой этой продолжала интересоваться. Выписала из адресных книг «Весь С.-Петербург» все биржевые артели города за интересующий меня период с месторасположением их правлений и неожиданно обнаружила, что в начале XX века правление Коммерческой артели находилось на Васильевском острове на 7-й линии, 56. Так мне же знаком этот адрес! Он был написан рукой Александра Яковлевича Денисова, моего деда, на обороте нескольких семейных фотографий, сделанных им в январе 1908 года именно в этом доме (к тому времени у него уже был фотоаппарат фирмы «Кодак»). Случайно ли дед снял для своей семьи квартиру там, где находилось правление этой артели, или же он в самом деле имел к ней какое-то отношение?

Опять отправилась в РНБ. В систематическом каталоге узнала, что в библиотеке хранятся годовые отчеты некоторых артелей. Начать их просмотр решила с Вульфовой-Портеровой, подумав, что в нее слились две когда-то существовавшие Вульфова и Портерова биржевые артели. Действительно, они соединились в 1891 году. В двух сохранившихся с 1894 года годовых отчетах этой артели приведены списки артельщиков, и среди них я

обнаружила Денисова Якова Ивановича. Затем заказала все имеющиеся отчеты по Коммерческой биржевой артели. Их набралось двенадцать, и во всех я нашла фамилию сначала прадеда, а после его смерти в 1906 году – деда. Яков Иванович к 1894 году уже полностью выплатил вкуп. В отчетах указано место работы артельщика. Против фамилии Якова Ивановича проставлено слово «биржа». Так значит, отец мой был прав: его дедушка в самом деле служил на бирже.

Яков Иванович Денисов происходил из государственных крестьян Архангельской губернии. Деревня Часовенская, где он родился в 1848 году³, располагалась в Сийской (Черняевско-Горской) волости Холмогорского уезда на берегу Северной Двины. Неподалеку находился Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь, куда в 1601 году царь Борис сослал боярина Федора Никитича Романова, отца будущего царя Михаила Романова. В 2008 году, побывав в Архангельске, я посетила этот монастырь, который сегодня возвращается к жизни, и те места, где жили мои предки. Пока не удалось установить, откуда и когда они пришли на берега Северной Двины. Но из материалов первых ревизских сказок, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов в Москве, известно, что в деревне Часовенская во второй половине XVII века проживал Иван Анкудинов сын Денисов (1640–1714) с сыновьями, Семеном (1671 – до 1745) и Мироном (1689 – после 1748)⁴. Наша ветвь тянется от Мирона.

Яков Иванович Денисов, а потом и его сын Александр Яковлевич Денисов, родившийся в Петербурге, до конца дней своих оставались крестьянами Брин-Наволоцкого сельского общества Холмогорского уезда Архангельской губернии. В то время крестьяне, покидавшие свои деревни, редко меняли сословие. В 50-е годы XIX века половину населения Петербурга составляли именно крестьяне. При просмотре метрических книг церковей Васильевского острова в поисках записей о рождении, венчании и смерти архангелогородских предков мне часто доводилось встречать фамилии их земляков, выходцев из Холмогорского уезда, в частности из Черняевско-Горской и Великодвор-

ской волостей: Рудаковых, Корытовых, Выдринных, Нифонтовых, Ждановых, Григорьевых, Матвеевых, Балашевых, Третьяковых и др.

Женат Яков Иванович был дважды. В первый брак с Акилиной Ивановной Нифонтовой (1854–1883) он вступил в 1870 году⁵ в родной деревне, после чего, видимо, молодые отправились в столицу. Уже в Петербурге в семье родились дети: Александр (1876–1877), Александр (1878–1920)⁶ и Мария (1880–1942). Акилина Ивановна скончалась молодой, в 29 лет, от туберкулеза⁷. Вторично Яков Иванович женился на Марии Прокопьевне Вешняковой (1854–1919)⁸. В этом браке детей не было. Александр, мой дед, и Мария, его сестра, почитали Марию Прокопьевну, как родную мать.

Образование Яков Иванович получил домашнее, обучался у отца. Значит, грамотностью он похвастаться не мог. Сын его, Александр Яковлевич, до вступления в Коммерческую биржевую артель успел поработать наборщиком латинского шрифта в типографии Академии наук (ТАН). Чтобы стать наборщиком, необходимо было пройти четырехлетний путь ученичества. В ученики принимались лица от 14 до 17 лет, имеющие школьное образование. Ученики ТАН три раза в неделю посещали школу печатного дела. Помимо других предметов они здесь осваивали иностранные алфавиты, учились чтению греческого, латинского, немецкого, французского текстов⁹. Пребывание в начальной школе и в школе печатного дела, было платное: от двух до шести рублей в год. Мне кажется, что именно этот путь образования и прошел мой дед Александр Яковлевич Денисов.

Запасный капитал к моменту смерти Якова Ивановича в 1906 году равнялся примерно 1700 рублям. Этот небольшой капитал был разделен между тремя наследниками, женой, дочерью и сыном. Получив свою долю наследства, мой дед, Александр Яковлевич, решил расстаться с вредной для здоровья профессией наборщика и в 1906 году вступил в ту же Коммерческую артель. Вкуп в это время составлял 3000 рублей. Его можно было выплачивать в рассрочку. Но 500 рублей в запасный капитал артели нужно было внести сразу. Дед внес

100 рублей вкупа и 500 рублей в запасный капитал. Остальные 2900 рублей выплачивал на протяжении следующих семи лет из своего заработка и новизных денег, то есть вкупных денег от только что вступивших артельщиков. Деньги эти делились между всеми членами артели и выдавались на руки.

Из отчетов Коммерческой биржевой артели узнала, что Александр Яковлевич с 1906 по 1909 год работал в акционерной компании «Кодак». Так вот откуда у него в 1907 году появился фотоаппарат этой фирмы! Видимо, сотрудники имели право приобрести его по льготной цене. А с 1910 года Александр Яковлевич трудился в акционерном обществе «Штоль и Шмидт», которое занималось торговлей аптечными товарами. Вот вам и «немцы»! Контора общества находилась на улице Гоголя (ныне Малая Морская) в доме № 11. И адрес сошелся с рассказом моего отца.

В 1907 году Александр Яковлевич женился на Агафии Иоакимовне Осьмининной (1885–1966), дочери ремесленника¹⁰, как обозначено в метрической записи о венчании. У них родилось трое сыновей: Владимир (1909–1967), Николай (1912–2007), мой отец, и Георгий (1916–1978).

В 1914 году, освободившись от выплаты вкупа, Александр Яковлевич мог уже весь свой заработок тратить на семью. За 360 рублей в год снял двухкомнатную квартиру на 3-й линии в доме № 14. Летом того же года отправил жену с детьми на дачу в деревню Старожиловка, что рядом с Парголово. Но недолго длилось благополучие этой семьи. Началась мировая война. Дела в Коммерческой биржевой артели и раньше велись нечестно и плохо, что вызывало возмущение части артельщиков¹¹. А тут война! А потом Гражданская! В Петрограде – голод и разруха. Деньги Александра Яковлевича в артели, конечно, все пропали. Да они ничего уже и не стоили. Деду пришлось ходить с Васильевского острова на Полюстровскую набережную работать на химическом заводе за буханку хлеба, которую выдавали раз в неделю. Весной 1920 года он умер, не вынеся тягот времени. Его вдова, моя бабушка Агафия Иоакимовна, осталась с тремя детьми, старшему 10 лет, младшему четыре года, без

Член Петербургской биржевой Владимирской артели Иоаким Григорьевич Осьминин. 1910 г.

профессии и средств к существованию. Работала лаборанткой в фотолаборатории, работницей на табачной фабрике, на кондитерской фабрике им. К. Самойловой. Замуж больше не вышла, одна растила сыновей.

Просматривая отчеты Коммерческой биржевой артели, подумала, а не состоял ли другой мой прадед, Иоаким Григорьевич Осьминин, в этой же артели. Отец мой однажды упомянул о том, что его бабушка, Мария Ивановна, жена Иоакима Григорьевича, после смерти мужа деньги из артели забрала. Так значит, он был артельщиком? Не Коммерческой ли артели? Ведь как-то должны были познакомиться дочь Иоакима Григорьевича Агафия и мой дед Денисов Александр Яковлевич. Проверила по отчетам. Нет, в Коммерческой артели этот прадед не состоял. Позже мне удалось обнаружить его фамилию в отчетах Петербургской Владимирской биржевой артели. Заказала и изучила все отчеты, сохранившиеся в РНБ с 1894 года, и фонд дел, существующий в ЦГИА СПб по этой артели.

Все работодатели платили артельщикам за работу 600 рублей в год или 50 рублей в месяц. Плюс к этому шли новизные деньги от вновь поступивших в артель членов. В 1894 году число артельщиков Владимирской артели составляло 176 человек, а к 1915 году их число выросло до 2063 человек (в 1899 году во Владимирскую влились Коломбьевская и Стояртова артели). Чем больше людей вступало в артель,

тем значительней становился ее запасный капитал, который хранился в банках, ценных бумагах, облигациях. Чем больше становился капитал, тем большие проценты с него получала артель. Сумма с процентов делилась на всех артельщиков, но на руки не выдавалась, а причислялась к запасному капиталу и составляла «имеющийся в обеспечении капитал» артельщика. К моменту смерти моего прадеда его запасный капитал составил 3000 рублей.

Иоаким Григорьевич Осьминин (1857–1912) был сыном отставного унтер-офицера Григория Петровича Осьминина (1825–1869), происходившего из крепостных крестьян Вологодской губернии¹². Григорий Петрович, мастерской третьего рабочего экипажа, строил корабли на Охтинской верфи¹³. Когда он умер, Иоакиму было 12 лет. Его мать, Агафия Трифоновна, вынуждена была заниматься продажей молока, чтобы прокормить четверых детей и выучить на краснодеревщика Иоакима, старшего сына. На Охте было начальное училище, которое, видимо, Иоаким посещал. Затем в мастерской ремесленника обучался столярно-мебельному делу. В 1876 году его приняли в ремесленный столярный цех «подмастерье вечно»¹⁴. В этом статусе он оставался до конца дней своих.

В 1883 году Иоаким Григорьевич женился на дорогобужской мещанке Марии Ивановне Луговой (1865–1842)¹⁵. Она была племянницей петербургского купца Гончарова Никанора Степановича (1850 – после 1917). Маша рано осталась без матери, и бездетный дядя забрал племянницу и ее двух братьев из Дорогобужа Смоленской губернии в Петербург. Когда подошло время, приискал ей жениха. Так как приданого большого за невестой купец Гончаров, по-видимому, выделить не мог, то отдал ее замуж за подмастерья столярного цеха Осьминина Иоакима Григорьевича, человека доброго, без вредных привычек, но бедного.

После жизни у дядюшки в четырехкомнатной квартире в доме на Николаевской улице (сейчас улица Марата) жизнь в Малоохтенской слободе, где семья, скорее всего, снимала часть деревянного дома, Марии Ивановне не показалась раем. Она мечтала вырвать мужа из ремесленной среды. Но чтобы по-

ступить на государственную службу, Иоакиму Григорьевичу не доставало образования, а чтобы завести свое дело – средств. Возможно, купец Гончаров и присоветовал родственнику стать артельщиком. Для вступления в артель нужно было внести вкуп или часть его. Но даже части вкупа Иоакиму Григорьевичу сразу было не собрать.

Мой отец, внук Марии Ивановны и Иоакима Григорьевича, не раз произносил странную фразу: «Бабушка вкупила дедушку в артель». Выражение, вызывавшее когда-то у меня недоумение, пришло теперь на память. Видимо, действительно, большую часть вкупной суммы составили деньги, выделенные купцом Гончаровым в приданое за племянницей и заработанные самой Марией Ивановной. В семье купца Гончарова все трудились: мальчики помогали в магазине, а Машу тетушка Евлампия Гавриловна учила шить нижнее белье. Марии Ивановне эта «наука» пригодилась. В приданое она получила швейную машину и на ней стала зарабатывать деньги. Готовые изделия сдавала в магазин. Тонкое нижнее женское белье, сшитое охтинками, у петербургских дам пользовалось популярностью.

Наконец необходимая сумма была накоплена, и в 1887 году мой прадед Иоаким Григорьевич стал артельщиком. Возможно, именно дела артели побудили его к переезду в 1890 году в Нижний Новгород, где он, как гласит семейное предание, в Канавине заведовал железным складом. В это время в семье уже было

Член Петербургской биржевой Коммерческой артели Александр Яковлевич Денисов. 1906 г.

трое детей: Александра (1883–1942), Агафия, моя бабушка, (1885–1966) и Владимир (1888–1942). К этому периоду относится большая семейная фотография, сделанная, скорее всего, перед отъездом (она приводилась в предыдущей моей публикации в данном издании)¹⁶. В метрических книгах Малоохтинской церкви св. Марии Магдалины сделаны записи о том, что на детей Иоакима Григорьевича 18 сентября 1890 года были взяты свидетельства о рождении. Видимо, они потребовались в связи с переездом на новое место жительства.

Около пятнадцати лет прожили Осьмины на нижегородской земле. Здесь в семье на свет появились сыновья, Константин (1894–1942) и Николай (1897–1902). Не маленькая семья из семи человек! Старшие дети в Канавине окончили трехклассное училище св. князя Владимира. Учились в таком училище шесть лет. Курс каждого класса был двухгодичный. На класс приходился один штатный учитель (три учителя на более чем 150 человек). Родители платили за обучение пять рублей в год.

Старшая дочь Александра примерно в 1900 году вышла замуж за нижегородского мещанина Никандра Павловича Звягина (по семейному преданию, он был артистом) и стала жить в городе, то есть в Нижнем.

В 1904 году родители отправили сына Владимира в Петербург поступать в коммерческое училище. Но он против воли родителей направился в Санкт-Петербургское училище дальнего плавания императора Петра I. Для поступления в это училище требовался опыт морского плавания не менее двух месяцев. У Владимира такого опыта не было, пришлось его приобретать. Чтобы управлять ситуацией, Мария Ивановна вынуждена была с остальными детьми покинуть Нижний Новгород и перебраться в столицу. Владимир поступил в училище в 1905 году на отделение механиков и проучился там четыре года. Ученики училища носили форму, но жили дома. Плата за обучение составляла 30 рублей в год.

Глава семейства по какой-то причине до мая 1905 года оставался в Нижнем Новгороде. Скорее всего, артель не обещала ему трудоустрой-

Член Петербургской биржевой Владимирской артели Константин Иоакимович Осьминин. 1912 г.

ство в Петербурге. Не успел Иоаким Григорьевич объявиться в артели, как его тут же командировали в паре с еще одним кассиром в Мариуполь на завод «Русский провиданс». Там незадолго до этого прежним кассиром была сделана большая растрата на сумму 7000 рублей. Скорее всего, прадеда не устроило это место работы, и уже 3 июня он вернулся в Петербург. В октябре его еще раз командировали в Нижний Новгород, а так как он отказался ехать, то был оштрафован на 25 рублей¹⁷.

До конца 1905 года Иоаким Григорьевич не имел постоянной службы. Его местом работы были Обуховский сталелитейный завод и Балтийский судостроительный, акционерные общества «Гергард и Гей», «Юнкер И. В. и К°», «Тютин и К°». Все это удалось установить из дел артели, сохранившихся в ЦГИА СПб. Наконец 4 января 1906 года прадед получил должность кассира в Русском обществе для выделки и продажи пороха. Этому обществу принадлежал Селитренный завод, который располагался на Кожевенной линии в доме № 36. Здесь же, в доме под № 35, Иоаким Григорьевич и квартиру снял. Этот угол Гавани – не самое хорошее место для проживания по соседству с Балтийским и кожевенными заводами. Но на лучшее, по-видимому, не хватало средств. Старшему сыну Владимиру на занятия в Училище дальнего плавания, располагавшееся на 22-й линии, ходить было недалеко, а вот младшему, Константину, приходилось долго добираться до Тамбов-

ской улицы, где находилась Торговая школа при обществе благотворения в память 19 февраля 1861 года, когда он поступил туда учиться.

В октябре следующего 1907 года родители выдали замуж младшую дочь, мою бабушку Агафию Иоакимовну, за Денисова Александра Яковлевича, артельщика Коммерческой биржевой артели¹⁸. Иоаким Григорьевич просит у правления своей артели на свадьбу дочери кредит в 200 рублей. Выходит, его семья в это время находится в стесненном финансовом положении.

В 1909 году старший сын успешно окончил учебу в училище и был поощрен дальним плаванием от Одессы до Владивостока и обратно. После путешествия поступил старшим механиком на корабль «Полтава», приписанный к Гельсингфорсу (Хельсинки). Вскоре он женился на дочери петербургского мещанина Елизавете Ивановне Щербаковой и зажил своей семьей. С родителями теперь остался только сын Константин, ученик торговой школы. В 1911 году Иоаким Григорьевич перевез семью с Кожевенной линии на Гаванскую улицу в доме № 23.

Кажется, все неплохо складывалось в семье прадеда. Но в январе 1912 года он неожиданно умирает, сидя за рабочим столом, от апоплексического удара. Его вдова, Мария Ивановна, после смерти мужа обратилась в правление Владимирской биржевой артели с просьбой «вкусить в состав артели» ее сына, Константина Иоакимовича Ось-

минина. Она просит «взять за вкуп причитающиеся деньги из запасного капитала» ее мужа, на владение которым тот сделал на нее завещание¹⁹. Константин Иоакимович, семнадцатилетний брат моей бабушки, был принят в число артельщиков. Его вкуп составил 4500 рублей. Сразу он внес 500 рублей вкупа и 700 рублей в запасный капитал артели. Остальную сумму выплачивал ежемесячно на протяжении нескольких лет. В ЦГИА СПб сохранилось личное дело Константина Иоакимовича, из которого известно, что он служил кассиром в торговых домах Ферстера, В. Морозова, а с 1915 года в Акционерном обществе «Соединенные

кабельные заводы», где проработал до 1 октября 1918 года, после чего «сдал все дела и денежный отчет в полном порядке»²⁰.

И в Коммерческой, и во Владимирской биржевых артелях существовала похоронная касса. В нее из заработка артельщиков ежегодно отчислялось по 8–12 рублей. Поэтому расходы на погребение моих прадедов Якова Ивановича Денисова и Иоакима Григорьевича Осьминина после их смерти взяла на себя артель, в которой каждый из них состоял. Оба прадеда покоятся на Смоленском православном кладбище. Там же могила моего деда Александра Яковлевича Денисова.

¹ Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект. М.; СПб., 2006. С. 86.

² Немиров Г. Биржевые артели Санкт-Петербурга. СПб., 1876. С. 24–26, 47–49.

³ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 29. Оп. 28. Д. 125. Л. 770 об.

⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 1. Д. 104. Л. 433 об.

⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 24. Д. 16. Л. 847 об. – 848.

⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 126. Д. 85. Л. 43 об.

⁷ Там же. Д. 99. Л. 272 об.

⁸ Там же. Л. 245 об.

⁹ Архив РАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 432.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2011. Л. 509 об.

¹¹ Господам членам Петроградской биржевой Коммерческой артели. Пг., 1914.

¹² Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 11. Д. 55. Л. 798 об.

¹³ Денисова Т. Н. Мои предки – мастеровые третьего рабочего экипажа // История Петербурга. 2012. № 1.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 4602. Л. 3.

¹⁵ Там же. Ф. 19. Оп. 126. Д. 460. Л. 39 об. – 40.

¹⁶ Денисова Т. Н. Мои предки – мастеровые третьего рабочего экипажа // История Петербурга. 2012. № 1. С. 87.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 11.

¹⁸ Там же. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2011. Л. 509 об.

¹⁹ Там же. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 1836. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 30.

Болгарин Георгий Панайотов, петербургский иконописец

А. Ю. Мудров

Последние годы в художественной жизни Санкт-Петербурга отмечены многочисленными и регулярными выставками, знакомящими с новыми работами в области иконописи и религиозной живописи. И выставки специальные – групповые и персональные, и разделы на больших региональных смотрах изобразительного искусства посто-

янно открывают нам новые имена их авторов.

К новым имя Георгия Панайотова сегодня вряд ли можно отнести. Но то, что чаще всего он до сих пор оказывается едва ли не самым молодым экспонентом на профессиональных выставках – это факт. Георгий Панайотов – студент Санкт-Петербургского академиче-

ского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Художнику – 21 год. Однако в его творческом багаже написание не только отдельных иконописных образов, но и ансамблей храмовых иконостасов. И «послужной» его список значителен.

Георгий – уроженец Белоруссии. Уже в раннем детстве, живя